

СОВЕТСКИЕ АРТИСТЫ ЗА РУБЕЖОМ

КОНЦЕРТЫ СВЯТОСЛАВА РИХТЕРА

Когда на первом концерте Рихтера в «Карнеги-холл» мы услышали вступительные такты, мы поняли, что перед нами не просто первоклассный пианист. Пожалуй, Рихтер — один из тех музыкантов, которые появляются лишь раз в столетие. Подобные ощущения я испытал, слушая оркестр под управлением Артуро Тосканини. И Тосканини, и Рихтер умеют извлекать из инструментов какое-то новое, свежее звучание. Гармония кажется трепещуще-живой. Она состоит из звуков необыкновенной красоты и чистоты, где каждый звук поет сам по себе и все же сливается с другими. Дерево, металл и струны настолько подчиняются воле исполнителя, что становятся отражением, эхом не только его голоса, но и каждого оттенка его мысли. Рихтера роднит с Тосканини также и то, что он подчиняется своим собственным законам. Конечно, он скрупулезно верен музыкальному тексту, но в своем исполнении он выходит далеко за рамки этого текста, давая музыке особую духовную и эмоциональную нагрузку, присущую именно нашему веку.

Бывают исполнители, которые не только восхищают, но могут служить образцом великолепной игры. Что же касается Рихтера, то ни один артист не смог бы повторить его интерпретацию, да и не следовало бы этого делать. Однако Рихтер преподносит нам неожиданные открытия, которые невозможно забыть. Уникален также и сам репертуар пианиста. Гарольд Шонбер, критик из «Нью-Йорк таймс», увидев программу, сказал, что она «бедна». Но после концерта он признал ее превосходной. Совершенно ясно, что Рихтер не идет по проторенному пути. Он выбирает произведения, которые вдохновляют его, дают ему возможность что-то высказать. И ему есть что сказать.

Рихтер — мыслящий пианист. Музыку в его исполнении можно назвать «речитативом» или «внутренним монологом», своеобразным звуковым процессом мышления. Рихтер как бы разговаривает со слушателем глубоко поэтическим языком.

Первая его программа состояла целиком из произведений Бетховена: пять сонат, четыре из которых почти забыты и относятся к раннему периоду творчества композитора. Однако опасения, что программа однообразна, не оправдались. Мы словно перенеслись в разносторонний, богатый мир бетховенских мыслей и чувств. Каждую из сонат Рихтер глубоко и любовно изучил. Незабываемы медленная часть сонаты ор. 2 № 3 с ее драматизмом, пафос сонаты ор. 14, нежная поэтичность первой части сонаты ор. 54 и страстный порыв заключительной части «Аппassionаты». Из пяти концертов Рихтера в «Карнеги-холл» я смог побывать еще на одном, третьем по счету.

Концерт начался сонатой Гайдна C-dur, сыгранной с неожиданным вели-

чием и широтой. Рихтер раскрыл перед нами внутреннюю страстность в трех пьесах Шумана и около 45 минут играл Дебюсси. Замечательно то, что Рихтер не стремится представить много различных стилей. Он выбирает одного композитора, но раскрывает его полно и глубоко, как мыслителя и индивидуальность. Например, второй концерт (который я пропустил) был целиком посвящен Прокофьеву. Что касается Дебюсси, то такого исполнения, конечно, еще никто не слышал. У Рихтера он не столько импрессионист-пейзажист, сколько мыслитель, исследующий бесконечные оттенки чувств. И слушатели, и критики были в восторге. Однако нашлись и такие, которые состроили кислые мины. Особенно отличился Пауль Генри Ланг, известный ученый-музыковед, который ведет отдел музыкальной критики в газете «Нью-Йорк геральд трибюн». Он предубежден, и это предубеждение порождено экспансионистскими взглядами немцев старого закала: Германия, мол, — страна высокой культуры, и все, что находится в восточку от нее, — это «полуварварство». Свою статью о первом концерте Ланг начал с утверждения, что Советский Союз наконец-то «разрешил» Рихтеру выехать за границу. Затем он заявил: «Однако против ожидания господину Рихтеру не удалось напустить на нас клубы музыкального тумана на славянский мрачный манер». Господин Ланг слушал Ойстраха, Когана, Гилельса, Ашкенази и Кондрашина, и он должен был во имя справедливости развенчать старый миф об «угрюмой славянской душе». В заключение Ланг пишет о Рихтере: «Он феноменальный артист, и, если русские хоть что-нибудь чувствуют, они не должны звать его на родину. Он стоит пятидесяти послов и двадцати пяти дивизий». Ученому Лангу не мешало бы освежить свои познания в современной истории. Ему следовало бы знать, что именно одобрение московской публики помогло Вану Клиберну обратиться на себя внимание американцев. Культурный обмен помогает странам дружить как равным и в интересах взаимопонимания делиться друг с другом всем лучшим, что у них есть.

Рихтер демонстрирует это лучшее американцам, в то время как Байрону Джебису рукоплещут в Советском Союзе. «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке ставит «Бориса Годунова» с большим успехом, потому что Джордж Лондон усовершенствовал свою роль во время гастролей в Москве. Скольких же дивизий в таком случае стоит Джордж Лондон?

Так как в силу своего общественного положения Ланг говорит от имени всех нас, ему следовало бы пересмотреть свои поверхностные суждения и научиться вежливости и пониманию, присущим ученому.

Сидней ФИНКЕЛСТАЙН.
г. Нью-Йорк.

ТРИУМФАЛЬНЫЙ УСПЕХ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОРКЕСТРА

Симфонический оркестр Ленинградской филармонии побывал недавно в Англии, Франции, Голландии, Бельгии, Италии, Швейцарии. Повсюду его выступления превращались в триумф советского музыкального искусства.

Перед нами лежит стопка австрийских газет с рецензиями, посвященными выступлению ленинградцев. Музыкальные критики как бы состязаются в подборе слов для выражения величайшей степени восхищения. «Оркестр Ленинградской филармонии — это мировой класс, и в нем он занимает одно из первых мест», — пишет рецензент «Винер дейтунг». Другая газета — «Нейес Эстеррейх» подчеркивает: «Кто их слышал, должен понять, что они заслужили такого успеха, какой редко выпадает на долю других оркестров».

Бурный энтузиазм вызвал оркестр и в Италии. В Милане и Неаполе, Риме и Болонье, Турине и Генуе, Бергамо и Парме — везде крупнейшие театры, где выступали советские музыканты, были переполнены.

Горячими аплодисментами награждала публика оркестр и его замечательных дирижеров Евгения Мравинского и Геннадия Рождественского. Вопреки итальянской традиции после окончания концертов оркестру приходилось исполнять по два — три произведения на «бис».

— За 15 лет работы в театре, — заявил директор «Ла Скала» Гиригелли, — я не помню, чтобы кому-нибудь был оказан такой прием, как ленинградскому оркестру. Удивительная музыка и поразительное исполнение.

Газеты всех городов, где выступал оркестр, поместили обширные статьи музыкальных критиков об этом событии. «Новый триумф», «Первоклассный оркестр», «Лучший оркестр в мире» — обычные заголовки, которые предпосылались этим статьям.

«Это счастье, — писала римская газета «Пополо», — присутствовать на таком концерте, где искусство, разбивая барьеры предрассудков, делает чудо, вызывая чувство братства между народами».